

Шэнь Син смотрел на этот огромный меховой ком, который продолжал втискиваться в объятия Цзян Линя, и ему очень не хотелось признавать, что это его собака.

— Так ему и надо. Разве можно подбирать на улице что попало? Ты не должен его вечно утешать, он должен понять, что был неправ.

Слушая рассуждения Шэнь Сина, Цзян Линь почувствовал, что перед ним не врач, а строгий учитель. Он погладил Е-Е по спине.

— Сегодня вечером, когда я водил его мыться, он вел себя покорнее, чем в прошлый раз. Наверное, осознал вину. Ты завтра уже в деревню едешь?

Шэнь Син кивнул.

— Да, в поселке закончим за завтрашнее утро и после обеда выдвигаемся в горы.

— Место для ночлега готово?

— Да, в сельском совете есть свободные комнаты.

— Я смотрел, те деревни, куда вы направляетесь, находятся довольно высоко. Постарайся не переутомляться. Сколько продлятся эти выезды?

— На каждую деревню уйдет минимум неделя. Пока все объедем, уже и Новый год настанет. Не волнуйся, я взял с собой лекарства.

Время летело быстро. Первое января осталось позади, до Нового года по лунному календарю, который выпадал на середину февраля, оставалось меньше четырех недель.

Пока они разговаривали по видеосвязи, Цзяньцзинь не отрывал взгляда от папы на экране. Время от времени он пытался скрестить экран лапой или прижимался к нему всей мордой. У Шэнь Сина завтра была работа, поэтому через некоторое время он отключился. Когда папа с экрана внезапно исчез, собака обиженно заскулила. Хэйбао, всё это время лежавший на полу, наострил уши и поднялся. Стоило ему подойти, как Цзяньцзинь тут же зарылся головой в шею Цзян Линя, издавая жалобные звуки.

Хэйбао приблизился и ткнул носом в пушистый зад Е-Е, торчащий из объятий капитана. Собака лишь сильнее сжалась. Цзян Линь с улыбкой погладил его по голове.

— Всё еще злишься на Хэйбао? Он же хотел как лучше. На улице нельзя есть всякую гадость.

Е-Е ничего не понимал, он только чувствовал себя бесконечно обиженным. Положив голову на плечо Цзян Линя, он вцепился в него передними лапами и не отпускал. Капитану ничего не оставалось, кроме как сдаться.

— Хочешь, открою тебе консервы Хэйбао?

Он поднялся вместе с собакой на руках, достал баночку и вскрыл ее одной рукой. При звуке щелчка розовые ушки Е-Е дернулись, он мгновенно обернулся и наконец спрыгнул на пол. Хэйбао сидел поодаль, не пытаясь подойти. Цзян Линь никогда не выделял любимчиков, поэтому открыл вторую банку для овчарки и потрепал ее по голове.

— Хэйбао сегодня молодец. Если Цзяньцзинь снова вздумает подбирать мусор на улице, обязательно останови его. Ешьте.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только чавканьем — Е-Е усердно работал челюстями. В мгновение ока банка опустела. Собака вылизала жестянку до блеска, но ей было мало. Подняв голову, она увидела Хэйбао, который лежал у журнального столика, а перед ним стояла еще одна баночка. Пушистые лапы сделали пару шагов в ту сторону, но замерли. Е-Е лег на месте, спрятав нос в лапах, делая вид, что не смотрит, но через секунду его глаза снова начали косить в сторону заветных консервов.

Он подполз чуть ближе, снова уткнулся в лапы, потом еще чуть-чуть... Вскоре он оказался прямо у миски. Хэйбао не шелохнулся. Как и в первый день его появления в доме, он просто позволил ему подойти. В конце концов Е-Е не устоял перед искушением и лизнул содержимое.

Когда Цзян Линь вышел из душа, он застал такую картину: Хэйбао спокойно лежал и наблюдал, как Е-Е, уткнувшись в его миску, доедает его ужин. Капитан почувствовал легкий укол совести — мало того что он накормил собаку втайне от Шэнь Сина, так еще и позволил ей съесть две порции. Он немного поколебался между «нельзя так баловать детей» и «ай, ладно», и в итоге выбрал второе. Вдруг после совместной трапезы они наконец помиряются?

Однако Е-Е оказался не из тех, кого легко подкупить едой. Доев порцию Хэйбао, он не пошел спать под бок к овчарке, как в прошлые дни, а прибежал в спальню к Цзян Линю. Тот как раз наклеивал пластырь на запястье. Увидев виляющего хвостом гостя, он улыбнулся.

— Ты чего пришел?

Е-Е положил голову на кровать, ведя себя крайне навязчиво. Цзян Линю пришлось позволить ему остаться. Вскоре в дверях появился Хэйбао. Он не вошел, а, как привык за годы службы в полиции, лег спиной к комнате, словно охраняя покой человека и собаки внутри.

На следующий день Шэнь Син официально отправился в деревню. Федеральная трасса сменилась региональной, та — уездной, и, наконец, они выехали на проселочную дорогу, ведущую к цели. Только по серпантину они карабкались почти час. Высота постоянно росла. Шэнь Син почувствовал, как закладывает уши, в голове появилась тупая боль. Глянув на часы, он увидел отметку 4100 метров. Он достал приготовленный Цзян Линем баллон и вставил канюли в нос. Через полчаса, когда кислород закончился, в голове немного прояснилось.

Обедали в сельсовете. Староста Чжажэнь был очень гостеприимен: приготовил согревающий хого из мяса яка, горячий масляный чай — сююча — и цзаньбу. Он без конца благодарил врачей за то, что те согласились приехать в их глушь.

Шэнь Син жил в Фулане уже почти три месяца, но обычно питался либо в столовой управления, либо в кафе с Цзян Линем. Хотя он и пробовал местную кухню, сидеть в кругу тибетцев и пить масляный чай ему довелось впервые. После кислорода он чувствовал себя неплохо, поэтому не придавал значения высоте. Проведя все утро за рулем, он изрядно проголодался и наелся до отвала.

После обеда прием начался в медпункте рядом с сельсоветом. Там работал местный фельдшер Чжоэр. В медпункте можно было сделать простой анализ крови, остальные образцы консервировались и на следующий день отправлялись в поселок на обследование.

О визите врачей сельсовет предупредил всех за три дня. Жителям велели приходить в обязательном порядке, а тем, кто уже лечился в больницах, — приносить все выписки и снимки. Сказали, что приедет «заведующий из большого города». К тому моменту, как врачи доели обед, у медпункта уже собралась очередь.

В медпункте работали трое: Лосан брал кровь и занимался образцами, а Шэнь Син вел прием с помощью Чжоэра, который выступал переводчиком. Здесь он перестал быть просто ортопедом — его использовали как врача общей практики. Перед ним лежались самые разные отчеты: по сердцу, легким, ЖКТ и, конечно, по его профилю.

В простых случаях он давал рекомендации, в сложных — звонил в больницу за консультацией, записывал данные и направлял пациента на дообследование в уезд.

Во время приема Шэнь Син начал чувствовать дискомфорт в желудке. Обед камнем лежал внутри, подступала тошнота. Вернулась и та самая головная боль, что мучила его за рулем. Лосан, заметив его бледность, догадался, в чем дело.

— Директор Шэнь, вам нехорошо?

Фельдшер тоже посмотрел на него. Он знал, что Шэнь Син не местный, а высота здесь была серьезная.

— Директор Шэнь, это горная болезнь? Скоро стемнеет, давайте на сегодня закончим. Пойдемте в кабинет, я измерю вам сатурацию.

Когда вечером Цзян Линь позвонил по видеосвязи, Шэнь Син был в полузабытьи. Он нажал «ответить» на автомате и поднес телефон к лицу, едва не выронив его. Голос был хриплым.

— Герой...

Цзян Линь, увидев в кадре лежащего человека с кислородными канюлями в носу, не на шутку испугался.

— Что случилось? Горная болезнь обострилась?

Час назад фельдшер Чжоэр намерил ему сатурацию 86%, после чего Шэнь Сина поспешно отправили в комнату, нацепили кислород и поставили капельницу.

Шэнь Син откинулся на подушки, как поникший больной котенок.

— Угу... Днем за рулем всё было нормально. Наверное, зря я наелся жирного хого из яка.

— Как ты сейчас? Там есть лекарства?

Шэнь Син помахал в камеру рукой, в которой была игла капельницы.

— Тошнит, голова раскалывается. Лекарства есть, фельдшер мне что-то прокапал.

— Ужинал?

Шэнь Син покачал головой.

— Только что вырвало. Желудку плохо, ничего не лезет. Капают глюкозу, так что всё нормально.

Цзян Линь впервые видел доктора Шэня таким беспомощным. Первой его мыслью было прыгнуть в машину и гнать в деревню, но он вовремя остыл: приедет он только к середине ночи и только помешает больному отдыхать.

— Как условия? По прогнозу обещали похолодание, у тебя там есть кондиционер?

— Нет, только маленький обогреватель-рефлектор. Не холодно, просто очень сухо.

Пока они говорили, в кадр влезла пушистая морда Е-Е. Собака была глуповатой, но ее широкая улыбка действовала целебно. Шэнь Син был крепким парнем, всё-таки ортопед, и почти никогда не болел. Теперь же, когда ему было плохо в незнакомом месте, в нем проснулась несвойственная ему хрупкость. Он ткнул пальцем в экран, прямо в нос Е-Е.

— Глупая псина... скучал по мне?

Возможно, из-за кислородных трубок голос доктора звучал приглушенно и мягко. Сердце Цзян Линя на мгновение замерло, и он едва не пропустил слово «псина», подумав, что Шэнь Син спрашивает его, скучал ли он. Скрыв замешательство, он поднял лапу Цяньцзинь и помахал ей в камеру.

— Скучал. Он.

— Вчера же еще обижался? Сегодня уже всё нормально? Помирились с Хэйбао?

Его Е-Е не отличался большим умом, но порой бывал весьма злопамятным. Цзян Линь вспомнил утренние события и улыбнулся.

— Вчера еще не помирились. Раньше он спал рядом с Хэйбао, а прошлую ночь провел со мной в комнате. Утром вывел их гулять, он всё так же игнорировал овчарку, шел сам по себе. И тут нам встретился белый померанский шпиц. Этот шпиц, видимо, очень полюбил Хэйбао, всё время крутился рядом, пытался лизнуть его шерсть. Но не успел — Цяньцзинь подлетел и просто вытеснил его. После этого они с Хэйбао помирились.

Конечно, он умолчал о том, что Цяньцзинь тайком доел чужие консервы. Шэнь Син, слушая это, вспомнил, как он сам когда-то обнимал Хэйбао, а тот ластился к нему.

— Маленький ревнивец...

Они проболтали еще немного, пока к Шэнь Сину снова не подступила тошнота.

— Погоди, Герой... кажется, меня опять вывернет.

Не успел Цзян Линь ответить, как картинка в телефоне резко сменилась. Шэнь Син, толкая перед собой стойку с капельницей, поспешно соскочил с кровати и скрылся в туалете. Единственным плюсом этой комнаты было наличие собственного санузла. Телефон остался на кровати, и Цзян Линь видел только потолок, слыша приглушенные звуки рвоты и шум смываемой воды.

Спустя приличное время Шэнь Син буквально «вплыл» обратно, положив телефон на тумбочку. Цзян Линь увидел, что с его лица и волос на лбу стекает вода — он выглядел так, будто его только что вытащили из пруда.

— Ну как ты? Совсем плохо? Есть что-нибудь для желудка?

Шэнь Син прижал руку к животу, чувство распирания наконец немного отпустило. Он сел на край кровати и начал бормотать:

— Вырвало — и полегчало... Кажется, я проголодался. Хочу колы. И еще консервированных

персиков.

— В деревне есть магазин?

— Уже девять вечера, если и есть, то закрыт. Да и неудобно мне просить кого-то... Я приехал людей лечить, еще никого толком не вылечил, а уже всех напрягаю. Ладно, не буду ничего есть, а то ночью спать не смогу — опять вырвет.

Цзян Линь заметил, что у того слипаются глаза.

— Много еще в капельнице?

— Почти всё, минут за пятнадцать докапает.

Цзян Линь посидел с ним на связи, пока процедура не закончилась. Шэнь Син засыпал на ходу, и они наконец попрощались.

Горная болезнь у Шэнь Сина была не в самой тяжелой форме. Благодаря лекарствам и ночи с кислородом, утром голова почти не болела. Ощущение тяжести ушло, осталась только легкая одышка при ходьбе. Учитывая вчерашний урок, завтракать он не рискнул — съел совсем немного и выпил ампулу глюкозы.

На второй день людей пришло еще больше. Почти все были со своими бумагами. Среди них был пожилой тибетец с пакетом из-под КТ-снимков. Лицо его было мертвенно-бледным, а сам он весь дрожал, когда садился перед Шэнь Сином. Врач даже подумал, что у него болезнь Паркинсона. Фельдшер Чжоэр вздохнул при виде него:

— Даньба Лабу, вы снова пришли?

Шэнь Син знал, что «Лабу» здесь — уважительное обращение к старикам. Он шепотом спросил Чжоэра:

— У него Паркинсон?

— Нет, — так же шепотом ответил тот. — Даньба Лабу недавно приболел, родные возили его в уезд делать снимки легких. С тех пор как вернулся, он решил, что у него рак. Говорит, дети всё от него скрывают и жить ему осталось недолго.

В этот момент во двор медпункта въехал черный внедорожник. Человек в штормовке и тактических ботинках вышел из машины и, смешавшись с толпой пациентов, вошел внутрь. Заглянув в кабинет, он увидел доктора Шэня — в белом халате, со снимком в руках. Взгляд Шэнь Сина был сосредоточенным и внимательным — ничего общего с тем «побитым котенком», которого он видел вчера.

На снимке были признаки воспаления и небольшой узелок, но на вид — совершенно доброкачественный, ничего общего с раком. Шэнь Син понимал, что если не разубедить старика, тот сам себя загонит в могилу страхами. Он предложил послушать легкие, а затем вернул снимки.

— Дедушка, этот узелок доброкачественный. Он есть у многих и не опасен. Я послушал ваши легкие — хрипов нет, воспаление проходит хорошо. Не переживайте, это не рак.

Договорив, он поднял голову и встретился взглядом с человеком, стоявшим в дверях кабинета.

<http://bllate.org/book/15778/1610744>